

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-122-130

СИБИРЬ, ЕРМАК И ДРУГИЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ, ОБРАЗОВ И МОТИВОВ*

Лазареску О.Г.

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются трансформации жанра исторического повествования в произведениях, репрезентативных для различных эстетических систем – фольклора (Сборник Кирши Данилова), классической эстетики (Т. IX «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина), постклассической эстетики (роман А. Иванова «Тобол. Много званых») – в связи с образом и деяниями покорителя Сибири Ермака и его дружины. Через исследование ключевого мотива восстановления чести выявлены общие черты и различия в подходах к историческому материалу, установлена логика развития жанра исторического повествования как движения от рассказа о событии к продолжению события в новом контексте, новых обстоятельствах, судьбах людей другой эпохи.

Ключевые слова: жанр, мотив, образ, историческое повествование, роман.

SIBERIA, ERMAK AND OTHERS: ON THE QUESTION OF HISTORICAL TRANSFORMATIONS OF LITERARY GENRES, IMAGES, AND MOTIVES

O. Lazarescu

Moscow State Pedagogical University

1/1, M. Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article considers transformations of the genre of historical narrative in literary works, that are representative of various aesthetic systems – folklore (Kirsha Danilov's Collection), classical aesthetics (Vol. 9 of N. Karamzin's «History of the Russian State»), and postclassical aesthetics (A. Ivanov's novel «Tobol. Many are called») – in relation to the image and the actions of Ermak, the conqueror of Siberia, and his crew. By investigating the key motivation to recover the honor, the common features and differences in approaches to treating historical material were revealed, and the logic of development of the historical narrative genre as the movement from a story about an event to continuation of the event in a new context, new circumstances, and in destinies of people of a different era, was established.

Key words: genre, motif, image, historical narrative, novel.

В статье 1803 г. «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице» Н.М. Карамзин выявил сложную соотнесённость двух начал, формирующих

© Лазареску О.Г., 2017.

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

отношения человека с миром – «истина» и «вымысел», которые в литературном творчестве выступают друг по отношению к другу как «история» и «роман». Эта соотнесённость, по Карамзину, имеет важные измерения – темпоральное и эмоциональное: чем более «зрелый» ум обращается к событиям, тем более сердечно он относится к ним: «История в некоторых летах занимает нас гораздо более романов; для зрелого ума истина имеет особенную прелесть, которой нет в вымыслах. В самом грустном расположении, в котором цветы разума и воображения не веселят нас, человек может ещё с каким-то меланхолическим удовольствием заниматься историею; там всё говорит о том, что было и чего уже нет!..» [3, с. 310] «Вымысел» у писателя ассоциирован с «романом», рождающим эмоцию «веселья», открывающим простор для игры авторского воображения. «Истина» же ассоциирована с «историей», способной рождать ощущение «особенной прелести» и «удовольствия». Это ощущение связано с иными возможностями художественного творчества – вновь обращаться к прошлому – в другом контексте и других обстоятельствах.

Эта «перетяжка» – «истина» / «вымысел», «история»/«роман» – во многом определила творческую манеру самого Карамзина, который свои «романические» произведения насыщает реальной «фактурой», показом «действительно бывшего, а не вымышленного» [1, с. 45], а в историческое повествование вплетает «баснословие», которое помогает ему воспроизвести нравственную норму, «дух», стоящий за тем или иным реальным фактом [6]. В художественной практике Карамзи-

на «истина» и «вымысел» сопровождаются – то контрастируя, то усиливая – друг друга.

Исследователи уже отмечали особенности жанрового мышления Карамзина, который стремился в своих произведениях к «совмещению различных жанровых дискурсов», дополняющих друг друга, но не сливающихся в «синкретическом единстве» [9, с. 140-141]. Примером такого равноправного совмещения может быть и сюжет завоевания Ермаком Сибири, помещённый писателем в том IX «Истории государства Российского». Здесь канва исторического повествования – «несомнительная История» [4, с. 401], зафиксированная «летописцем», «граммотами», другими «достовернейшими повествованиями» [4, с. 379-380], ставшими историческим источником для Карамзина, перемежается преданиями («баснями») о сибирском походе Ермака, сравнениями его с завоевателями Мексики и Перу, а также оценками сибирского атамана и его дружины, которые возможно дать только изнутри сознания самих творцов сибирской истории и которые относятся к области «романического», к области «вымысла». Так, Ермак и его товарищи, получив предложение от ставленников царя Иоанна IV Строгановых оставить разбойничью вольницу – «ремесло, недостойное Христианских витязей» [4, с. 376] – и пойти на службу царю, воодушевились возможностью восстановить свою честь: они «прослезились от умиления». Наряду с внешними оценками казаков как неустрашимых, дерзких и искусных воинов, Карамзин акцентирует внимание на глубинных причинах их согласия оставить вольницу. Причины эти ле-

жат в сфере, определяемой понятиями доблести, совести, милости, целомудрия. В сердцах казаков шевельнулись «угрызения совести», они надеялись «заслужить милость Государеву», они дали «обет доблести и целомудрия» и 1 сентября 1581 года отплыли «к горам Уральским, на подвиг славы» [4, с. 376-378].

Жанр исторического повествования, стремящийся к непредвзятой оценке явлений, представляет действующих лиц истории с разных сторон. При этом он предполагает выявить не только объективные причины произошедшего, но и внутреннюю мотивацию актантов. Момент встречи объективного/непреодолимого и субъективного/желаемого у Карамзина становится источником событий, главным двигателем истории. Одним из механизмов функционирования этого двигателя является мотив восстановления чести, ставший призмой судьбы и личности Ермака и его дружины. Цель данной статьи – через исследование мотива восстановления чести определить черты сходства и различия в работе с образом Ермака писателей, принадлежащих к различным эстетическим системам, установив тем самым логику развития жанра исторического повествования.

Начало повествования о Ермаке строится на описании событий, давших основание как для «доброй», так и для «худой» славы о нём и его товарищах. Они жили то как «честные воины России», то как «мятежники, ею не признаваемые за россиян», «злодействовали на всех дорогах, на всех перевозах», были настоящими «хищниками». И только предложение «честной службы», а не «гневные отзывы Иоан-

новы», и перспектива «примириться с Богом и с Россиею» [4, с. 375-376] дали направление для начала героической истории сибирского завоевания, для встречи внешнего, объективно-неодолимого, и внутренне-желаемого как источника последующих событий.

Мотив восстановления чести реализуется у Карамзина через нравственные характеристики Ермака, который и от себя, и от своих воинов требовал «чистоты душевной», ибо считал, что «Бог даст ему победу скорее с малым числом добродетельных воинов, нежели с большим закоснелых грешников»; «грозный, неумолимый Ермак, жалея воинов Христианских в битве, не жалел их в случае преступления и казнил за всякое ... *дело студное*» [4, с. 385-386]. Сами казаки, в глазах Ермака, давшего знать царю об утверждении господства России в Сибири, «угрызаемые совестью, исполненные раскаяния, шли на смерть», готовые «умереть или в новых подвигах чести, или на плахе» [4, с. 391].

Сердечные движения бывшего атамана разбойников описываются в связи с боязнью обмануть надежду России. В самые тяжёлые, отчаянные моменты похода, когда открылся голод, цинга, «убыль в силах», Ермак, «не боясь смерти», «боялся утратить завоевание, обмануть надежду Царя и России» [4, с. 397].

Реализация мотива восстановления чести связана и с активацией категории «чудесного» как двигателя истории. Ряд событий подаётся писателем как «блестящий, неожиданный успех», а само завоевание как «любопытное, действительно удивительное, если и не чудесное» [4, с. 379-380]. Сами казаки в своей воинской судьбе апеллируют не

только к имеющемуся у них оружию, но к Богу, понимая «безвыгодность» положения своей малочисленной дружины перед ордами Кучума: «Бог даёт победу, кому хочет: не редко слабым мимо сильных..!» [4, с. 383]. Но помощь высших сил в историческом повествовании Карамзина неразрывно связана с внутренним устремлением казаков служить честно.

Сама гибель Ермака, объясняемая объективными, непреодолимыми обстоятельствами – болезни, голод, отсутствие помощи из Москвы, а также утрата бдительности в сношениях с местными – обставлена знаками «романического» восприятия этого события. Казаки погибли «от своей оплошности» – уснули в пути без охраны: Ермак, «как бы утомлённый жизнью, погрузился в глубокий сон с своими удалыми витязями, без наблюдения, без стражи. Лил сильный дождь; река и ветер шумели, тем более усыпляя Козаков; а неприятель бодрствовал на другой стороне реки» [4, с. 401-402]. По преданию, рядом с местом их гибели «возвышается холм, насыпанный ... руками девичьими для жилища царского» [4, с. 401]. Подобная локализация места гибели связана с романическим представлением о переменчивости «счастья», ибо стремительное движение к подземному царскому жилищу дружины и её предводителя началось после признания Россией заслуг казаков: «Иоанн в ласковой грамоте объявил Козакам вечное забвение старых вин и вечную благодарность России за важную услугу, назвал Ермака ... *Князем Сибирским*; велел ему распоряжаться и начальствовать» [4, с. 396]. Став почти царём Сибирским, Ермак не смог преодолеть объектив-

но-непреодолимого. Но в восприятии народа он не умер, а переселился в другое – царское – жилище.

Посмертная история Ермака насыщена «многими чудесами», подтверждающими его царственную природу: это и свежая кровь, хлынувшая из мёртвого, «оцепенелого» тела «*Атамана-Князя*», и птицы, летавшие стаями над трупом – «не смели его коснуться». Это и «страшные видения и сны», которые заставили убийц схоронить Ермака, и сияние над его могилой [4, с. 403-404]. По преданию, одежда героя после его смерти стала предметом культа для татарских и остяцких воинов – «верхняя кольчуга», «нижняя кольчуга», «кафтан», «сабля с поясом».

Важно отметить, что соединение исторического и романического дискурсов, «истины» и «вымысла», открывающее перспективу жанровой трансформации исторического повествования, было использовано и фольклорной эстетикой, которая воспроизведение цепочки событий также перемежала историями вымышленными. Но этот «вымысел» был связан не с попыткой проникновения внутрь сознания и душевного состояния действующих лиц, чтобы показать историю глазами не только внешнего наблюдателя, а с введением в эту историю воображаемых ситуаций – с целью гиперболизации тех черт и качеств казаков, которые нужно было подчеркнуть народному сознанию. Так, в исторической песне «Ермак взял Сибирь», входящей в «Сборник Кириши Данилова», мотив восстановления чести представлен в своём редуцированном виде, как протомотив. Он не проявлен ни через муки совести, раскаяния казаков и их атамана, ни через детали душевного

состояния. Фольклорное сознание как бы «выпрямляет» историю, выделяя в ней главное – казаки осознают ответственность за свой разбой и убийства:

Гуляли мы по морю синему...

Убили мы посла персидскова

*Со всеми ево солдатами и матрозами
И всем животом его покорыстовались.*

И как нам на то будет ответствовать? [5, с. 68]

Не желая далее «ворами слыть», а также быть «по тёмным тюрьмам рассаженным», казаки как бы подводят черту под всей прошлой жизнью и отправляются на Урал, «ко Строгановым». Описание сибирских деяний Ермака и его дружины включает в себя вымышленный эпизод приёма царём Иваном Васильевичем не посланцев Ермака в Москву с известием о покорении Сибири, а самого Ермака, представшего перед царём, повинившегося за себя и всю свою дружину. Этот эпизод создаёт экспрессию, необходимую для дальнейшей реализации мотива восстановления чести: «Втапоры Ермак пред грозным царем на колени пал ... говорил таковыя слова: “Гой еси, вольной царь, царь Иван Васильевич! || Приношу тебе, асударь, повинность свою: гуляли мы, казаки, по морю синему ... и в то время годилося мимо идти послу персидскому ... со своими солдаты и матрозами; и оне напали на нас своею волею и хотели от нас поживитися ... и тут персидскова посла устукали со теми ево солдаты и матрозами”. И на то царь-государь не прогневался, ноипаче умилосердился, приказал Ермака жаловати» [5, с. 70-71]. В то время как у Карамзина читаем: «Восхищённые вестию Атаманов, Строгановы спешили в Москву, до-

несли Государю о всех подробностях и молили его утвердить Сибирь за Россию ... Явились и Послы Ермаковы, атаман Кольцо с товарищами, *бить челом Иоанну царством Сибирским*» [4, с. 392-393]. Историческое повествование нового времени приводит версию, согласно которой даже и атаман Кольцо не сам отправился в Москву, а «послал от себя Савву Болдырю», которому «храбрости было не занимать. А к тому же он был речист и имел умную голову» [8, с. 548].

Фольклорное сознание, используя вымышленную ситуацию, создаёт парадоксальный эффект – не ослабления, а, напротив, усиления исторической достоверности сибирского похода Ермака. «Вымысел» здесь предстаёт как концентрат идеи восстановления чести, личного, без посредников, снятия бесчестия с Ермака Тимофеевича. Напротив, эпизод гибели Ермака народное сознание формулирует в стилистике, очищенной от эмоций, от «цветов воображения», которые могли бы повредить его образу «атаманакнязя», героически погибшего за своих товарищей: «... и билися-дралися с татарами время немалое. И для помощи своих товарищей он, Ермак, похотел перескочити на другую свою коломенку и ступил на переходню обманчивую, правую ногою поскользнулся он, – и та переходня с конца верхнева подымалася и на ево опускалася, росшибла ему буйну голову и бросила ево в тое Енисею-быстру реку. Тут Ермаку такова смерть случилася» [5, с. 71]. Гибель истинного героя – «для помощи своих товарищей» – говорит сама за себя и не требует дополнительных художественных «аргументов».

В романе А. Иванова «Тобол. Много званых» история о Ермаке встроена в сюжеты «творения судьбы российской Азии» [2, с. 4] в период Петровых преобразований. Здесь соотношение «истины» и «вымысла», исторического и романического задаётся авторским определением жанра – роман-пеплум, предполагающего приоритет широкого, масштабного изображения событий той или иной эпохи, не связанного задачей строгой исторической достоверности [7].

Если народное сознание воспроизводит сибирскую историю о Ермаке исходя из принципа выпрямления – очищения её от несущественных деталей – и гиперболизации и концентрации существенного в этом образе, а сознание классической эпохи предлагает стереоскопическое рассмотрение истории глазами как внешнего наблюдателя, так и изнутри сознания самих творцов этой истории (соотнесённость внешнего и внутреннего), то современная жанровая модификация истории о Ермаке строится на принципе контаминации, «врастания» внешнего и внутреннего друг в друга, их преобразования друг в друге. Механизмом такого «врастания» становится история о Ермаке, переживаемая как факт личной биографии одного из первых сибирских «летописцев» – биографов Ермака – Семёна Ульяновича Ремезова. При этом время теряет свою линейную направленность как рассказ о прошлом – история оживает новыми обстоятельствами, она обретает новые очертания, строится на новых надеждах: «Семёна Ульяновича переполняла память о том, чему он никогда не был свидетелем. Таков, видно, был вышний замысел на него. На каждое

слово он знал песню. Потянешь любую ниточку – и в бесконечность катится клубок» [2, с. 378].

Если у Карамзина «летописец» – это внешняя точка зрения, наблюдатель и собиратель фактов, стремящийся к объективности, хотя и не отказывающий себе в возможности оценки этих фактов, то в романе А. Иванова «летописец» – продолжатель истории, от которого зависит инобытие исторического деятеля: «Семён Ульянович не мог объяснить, что же он чувствовал в Ермаке. Была в нём какая-то правда, которая отзывалась в любой честной судьбе человеческой. Ну, как слово Христа в любой душе отзывается»; «Ермак Сибирь для Христа открыл, чем не подвиг? Александр Невский тоже не поклоны бил, а святой» [2, с. 383].

Для себя, внутренне Ремезов сформулировал эту правду как необходимость канонизации Ермака. Судьба самого Ремезова, как героя романа, строится на попытках узаконить эту правду. Ермак «врастает» в судьбу Семёна Ульяновича, он стал «делом» его жизни, о котором Ремезов хлопочет перед церковными властями. Но и память о Ермаке теперь во многом связана с сюжетом жизни его биографа. Мотив восстановления чести реализуется здесь как борьба формально-официозного и интимно-личного отношения к сибирскому атаману. Очередная попытка добиться помощи в канонизации Ермака от владыки Иоанна терпит неудачу, так как, по мнению владыки, недостаточно очевидных признаков святости Ермака – знамений, чудес, явлений святых, нетленности и чудес на могиле, недостаточно только любви народной: «Одной твоей любви для

канонизации мало. От человека потребен подвиг во Христе» [2, с. 383]. И, хотя Ремезов приводит в доказательство святости Ермака множество свидетельств, точку в этом сюжете ставит формальный признак – факт из прошлого: «А Ермак твой – мятежный. Не быть ему святым» [2, с. 386].

Сама жизнь Ремезова в романе представлена как подвиг собирания Сибирской истории, венцом которой могло бы быть Житие Ермака, о чём «радели» и предшественники владыки Иоанна. Свою часть этого «радения» Ремезов облёк в форму сочинённой им повести «История Сибирская», которая совмещает в себе признаки исторического сочинения – летописи, хроники, поскольку для её создания автор работал с историческими источниками: «Ремезов перерыл древлехранилища Воеводского двора, отыскивая старые грамоты и казачьи “сказки”. Он съездил на места, где казаки бились с татарами, чтобы понять, как проходили битвы»; а также признаки сакрального текста – «как в Евангелии»: «Семён Ульянович разбил своё повествование на стихи. Стихов получилось сто пятьдесят четыре ... каждую страницу разделил по высоте пополам, а в каждом столбце написал стих». Повесть имела и визуальную часть – «картинки»: «Ермака, казаков, татар, леса, горы и реки. ... Сибирь не знала книги, подобной ремезовской “Истории”» [2, с. 382-383]. Если у Карамзина совмещение различных жанровых дискурсов осуществляется на уровне сознания различных субъектов – летописца как внешнего наблюдателя и романиста, стремящегося раскрыть внутренние движения деятелей сибирской истории, то в романе А. Иванова

это совмещение переносится в область духовной деятельности подвижника, стремящегося создать универсальный текст, который будет и историческим повествованием, и Житием; он будет открыт и в прошлое, и в будущее, потому что, как понимает сам Ремезов, «не пришло ещё время Ермака»; он будет «для пользы народа и на радость всем, кто жаждет правды» [2, с. 386].

Наконец, «История Сибирская» стала «текстом» жизни самого Ремезова, она «оплачена» жизнью своего создателя: «Никто не заказывал Семёну Ульяновичу этот труд, никто не оплачивал, да почти никто и не читал. ... Иоанн не притронулся к этой книге» [2, с. 383].

Честь Ермака восстановлена радением, оплачена жизнью создателя повести о нём. Роман-пеплум открывает новые жанровые возможности для работы с историческим материалом. Здесь мотив восстановления чести функционирует не только и не столько как рассказ о подвиге, о его мотивации, сколько как продолжение подвига для восстановления «правды». Летописец, рассказчик истории и герой истории прорастают друг в друга, жизнь одного и память о другом обусловлены друг другом. Жизнь Ремезова и его повесть становятся ино-бытием Ермака.

Таким образом, исследование мотива восстановления чести в произведениях, посвящённых истории завоевания Ермаком Сибири, позволяет утверждать, что его функционирование связано с использованием исторического и романтического дискурсов в сочетаниях, определяемых идейными и ценностными приоритетами той или иной эстетической системы. Функционирование этого мотива де-

монстрирует движение в творческом освоении исторического материала от фольклорной концентрации на самом существенном в истории, гиперболизации самого существенного; через стремление писателя классической эпохи сделать внутреннюю мотивацию поступков героев, наряду с внешними обстоятельствами, важным художественным ресурсом жанра исторического повествования; движение к такой жанровой модели, которая позволяет стирать формальные разли-

чия между историческими эпохами и воспринимать большую историю как начало собственной, личной истории, как «клубок», который «катится в бесконечность» – в произведении современного писателя. Это новый уровень соединения внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, общего и личного, способный, не исключено, рождать ощущение «особенной прелести» и «удовольствия», которые так ценил в исторических сочинениях Н.М. Карамзин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухов В.И. Карамзин-прозаик и жанр романа // Карамзинский сборник. Россия и Европа: Диалог культур. Ульяновск: «Карамзинская лаборатория», УлГПУ, 2001. 352 с.
2. Иванов А.В. Тобол. Много званых: [роман-пеплум]. М.: Издательство АСТ, 2017. 702 с.
3. Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: Избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. 527 с.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского / Изданием книгопродавца Смирдина / В типографии вдовы Плюшар с сыном. Санкт-Петербург, 1834. Т. IX.
5. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым/ подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Издательство «Наука», 1977. 487 с.
6. Лазареску О.Г. Фольклорный элемент в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Вестник славянских культур. 2016. Т. 42. С. 135-141.
7. Пеплум (жанр) [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия: [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D1%83%D0%BC_\(%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%80\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D1%83%D0%BC_(%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%80)) (дата обращения: 23.08.2017).
8. Скрынников Р.Г. Далёкий век: Иван Грозный; Борис Годунов; Сибирская одиссея Ермака. Исторические повествования. Л.: Лениздат, 1989. 636 с.
9. Старостина Г.В. Проблема жанра в критике Н.М. Карамзина // Карамзинский сборник. Россия и Европа: Диалог культур. Ульяновск: «Карамзинская лаборатория», УлГПУ, 2001. 352 с.

REFERENCES

1. Glukhov V.I. [Karamzin as a writer and the genre of a novel]. In: *Karamzinskij sbornik. Rossija i Evropa: Dialog kul'tur* [Karamzin's collection. Russia and Europe: dialogue of cultures]. Ulyanovsk, "Karamzinskaya laboratoriya", UIGPU Publ., 2001. 352 p.
2. Ivanov A.V. *Tobol. Mnogo zvannyh: roman-peplum* [Tobol. Many are called: a novel peplum]. Moscow, Izdatel'stvo AST Publ., 2017. 702 p.
3. Karamzin N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelja: Izbrannaja proza* [Notes of the old Moscow resident: selected prose]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1986. 527 p.
4. Karamzin N.M. *Istorija gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian state]. Saint Petersburg, 1834, vol. IX.

5. A.P. Evgenieva and B.N. Putilov prepared. *Drevnie rossijskie stihotvorenija, sobrannye Kirsheju Danilovym* [Ancient Russian poems collected by Kirsch Danilov]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 487 p.
6. Lazaresku O.G. [Folk element in the “History of the Russian state” by N. Karamzin]. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], 2016, vol. 42, pp. 135–141.
7. *Peplum (zhanr)* [Peplum (genre)]. In: *Vikipediya. Svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia. The free encyclopedia]. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D1%83%D0%BC_\(%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%80](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D1%83%D0%BC_(%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%80) (accessed: 23.08.2017)
8. Skrynnikov R.G. *Dal'jokij vek: Ivan Groznyj; Boris Godunov. Sibirskaja odisseja Ermaka. Istoricheskie povestvovanija* [The Distant century: Ivan the Terrible; Boris Godunov. The Siberian Odyssey of Ermak. Historical narrative]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. 636 p.
9. Starostina G.V. [The problem of genre criticism in N. Karamzin]. In: *Karamzinskij sbornik. Rossija i Evropa: Dialog kul'tur* [Karamzin's collection. Russia and Europe: dialogue of cultures]. Ulyanovsk, “Karamzinskaya laboratorij”, UIGPU Publ., 2001. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лазареску Ольга Георгиевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, профессор Московского педагогического государственного университета
e-mail: lazarescu@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Lazaresku – Doctor in Philological Sciences, associate professor at the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University.
e-mail: lazarescu@inbox.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА:

Лазареску О.Г. Сибирь, Ермак и другие: к вопросу об исторических трансформациях литературных жанров, образов и мотивов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 122-130
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-122-130

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Lazaresku O. Siberia, Ermak and others: on the question of Historical transformation of Literary Genres, Images and Motifs. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5. pp. 122-130
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-122-130